

Боль от ладони дошла до нервных центров, и в голове мгновенно прояснилось, но картина перед глазами не изменилась ни на йоту.

Напротив, из-за вспышки боли его взгляд на мгновение стал холодным и тяжелым, отчего стоящий перед ним евнух вздрогнул.

«...Похоже, я и вправду каким-то немыслимым образом стал древним человеком».

Судя по всему, этот человек был титулованным аристократом конца династии Цзин. Что касается остального... он не знал абсолютно ничего.

А, нет, знал еще кое-что.

Этот человек сегодня берет наложницу. Но так как теперь он стал этим человеком, то и наложница теперь полагается ему.

Это была вся информация, которой он владел, а перед ним всё еще стоял расплывающийся в улыбке евнух, ожидая, когда он отправится в опочивальню.

У Цзян Суйчжоу голова была готова взорваться.

«Ну и ну, что за чертовщина!»

В душе его царил смятение, но на лице не отразилось ни тени эмоций.

Евнух, видимо, начал беспокоиться. Улыбка на его лице стала горькой, он понизил голос и заговорил тоном заботливого наставника:

— Господин, раб знает, что в сердце вашем — неохота, но ведь это указ самого императора... — уговаривал он. — Даже если вам не по нраву, сходите просто для вида! Тот... говорят, ему давно уничтожили все боевые навыки, теперь он просто калека, совершенно неопасен. Вам не о чем беспокоиться.

«...Уничтожили боевые навыки? Сделали калекой?»

Взгляд Цзян Суйчжоу стал странным.

Похоже, тут разыгрывается сценарий с принуждением и насилием.

Он знал, что в конце эпохи Цзин двор был насквозь коррумпирован, а императоры — бездарны. Особенно последний правитель, император Цзин Ю (Цзин-хоучжу), прославившийся своим безрассудством.

Историки писали, что он был одержим красотой, превратил государственные дела в шутку и чрезмерно покровительствовал родственникам по материнской линии, позволяя своему дяде Пан Шао творить бесчинства.

У династии Цзин было плохо с наследниками. К поколению императора Ю большинство принцев умерли в младенчестве, остался лишь один — принц Цзин, который тоже был хилым болезненным юношей и рано скончался.

Именно поэтому, не прошло и нескольких лет после бегства Цзин Ю на юг, как государство было уничтожено набравшей силу династией Лян.

Судя по всему... теперь он стал частью этого порочного и тонущего двора.

Во рту у Цзян Суйчжоу стало горько.

Что же за ужасное зло он совершил, чтобы в один миг превратиться из комфортно живущего офисного планктона в аристократа гибнущей империи?

Неужели из-за того, что слишком сурово отчитал студента?

Да быть не может.

В этот момент снаружи раздался голос:

— Евнух Цяньшань, паланкин уже доставили в павильон Иньцуй!

Евнух, стиснув зубы, громко отозвался:

— Чего расшумелись!

Служанка тут же затихла.

Евнух обернулся и снова преданно посмотрел на Цзян Суйчжоу, в его глазах читалась мольба.

Цзян Суйчжоу понимал: в данной ситуации ему придется идти в эту опочивальню. Смерть так или иначе неизбежна. Но раз та девушка, которую привезли, попала сюда не по своей воле, да еще и осталась инвалидом, то эту брачную ночь наверняка получится легко переждать.

А что касается остального...

Сначала нужно пережить сегодняшний вечер, а потом потихоньку разузнать, кто он такой и в каком положении находится, и тогда уже строить планы.

Он холодно хмыкнул и поднялся.

Глаза евнуха радостно блеснули, и он поспешил подставить локоть для опоры.

Цзян Суйчжоу не привык к подобным услугам, но, то ли ему показалось, то ли на самом деле — стоило ему встать, как он почувствовал жуткую слабость, усталость и легкое головокружение.

Пришлось позволить евнуху поддержать себя.

Спустившись с возвышения, он оказался рядом с напольным «заморским» зеркалом. Слегка повернув голову, Цзян Суйчжоу увидел свое отражение.

...Оно выглядело точь-в-точь как он сам, только года на два-три моложе — на вид лет двадцать четыре-двадцать пять.

Студенты и раньше хвалили его внешность, говоря, что он красив как книжный злодей. Цзян Суйчжоу раньше этого не признавал, но теперь, глядя в зеркало, он и сам подумал...

Действительно, на «хорошего парня» не похож.

Его красота была холодной и резкой, придавая лицу выражение крайнего равнодушия. В широких одеждах и с длинными волосами он казался утонченным и бесконечно далеким от

простых смертных. Особенно глаза — их зрачки сидели чуть выше обычного, и один спокойный взгляд мог заставить собеседника похолодеть.

Цзян Суйчжоу отвел глаза. Боковым зрением он заметил на левом веке, почти у самого края глаза, крошечную алую точку.

Этой родинки у него никогда не было.

Впрочем, рассмотреть её он не успел — евнух уже вел его мимо зеркала к выходу.

В дверях их кто-то ждал, держа наготове тонкую накидку. Стоило Цзян Суйчжоу подойти, как этот человек привычным движением окутал его плечи.

Цзян Суйчжоу недоуменно нахмурился.

На нем и так одежды было больше, чем на всех окружающих, зачем еще один слой?

Евнух рядом мгновенно уловил перемену в его лице и поспешил мягко пояснить:

— Вечером ветер сильный, Ван-е не вынесет холода, лучше накинуть еще одну вещь.

«...Ван-е?»

Не успел Цзян Суйчжоу опомниться, как его уже свели по ступеням и усадили в паланкин-носилки, стоящий перед дверями.

Выйдя из комнаты, он сразу почувствовал это: ветер, который должен был быть теплым, ощущался им как ледяной. Это не было похоже на обычную простуду — скорее на врожденную слабость и критически низкий иммунитет.

Сопоставив это с тем, что евнух назвал его «Ван-е», Цзян Суйчжоу почувствовал неладное.

В конце династии Цзин был только один «Ван-е», прославившийся своей болезненностью.

Тот самый принц Цзин, чье имя стерли из истории, оставив лишь упоминание о врожденной немощи и ранней смерти от болезни.

Носилки подняли. Цзян Суйчжоу почувствовал легкое головокружение.

Если следовать ходу истории, ему осталось жить от силы три-пять лет, прежде чем он умрет.

А если и не умрет от болезни, то Северная Лян, захватив Цзин, ни за что не оставит в живых такого «огрызка» прежней династии.

Взгляд Цзян Суйчжоу стал отсутствующим, он медленно откинулся на спинку сиденья.

Любой, кто внезапно узнает, что ему осталось жить всего ничего, вряд ли обрадуется.

Собравшись с мыслями, он повернул голову к евнуху, идущему рядом с носилками, решив еще раз уточнить.

Как там его называли только что?

— Цяньшань, — позвал он.

К его удивлению, услышав это, евнух изумленно вскинул голову и замер, тупо глядя на него.

Сердце Цзян Суйчжоу пропустило удар.

Он понял: такая реакция означает, что он ошибся.

Те, кто прислуживает знатым особам, обычно невероятно проницательны и чутки. Он только появился и сразу совершил такую грубую ошибку...

Однако, прежде чем он успел испугаться, на лице евнуха отразилось выражение такого невообразимого восторга, что тот даже растерялся.

— Ван-е, раб слушает ваши приказания! — его глаза засияли, и он стал похож на пса, преданно виляющего хвостом. — Вы... вы лучше продолжайте звать раба по его полному имени, Мэн Цяньшань...

Цзян Суйчжоу: «...»

Что ж, похоже, он зря беспокоился. Личный слуга принца Цзина явно не отличался острым умом.

Он отвел взгляд и, издав неопределенное «хм», с невозмутимым видом спросил:

— Как давно её доставили в поместье?

Мэн Цяньшань ни на йоту не уловил скрытого прощупывания в его словах. Решив, что Ван-е просто переживает, как бы не пропустить благоприятный час, он выпалил на одном дыхании:

— Не извольте беспокоиться, Ван-е, госпожа Хо тоже только что прибыла. Если вы отправитесь прямо сейчас, то поспеете аккурат вовремя.

Услышав, что слуга не оспорил фразу «поместье принца Цзина», Цзян Суйчжоу окончательно удостоверился в своей догадке. Он действительно стал тем самым «короткоживущим призраком», которому в исторических хрониках уделили всего пару мазков кистью.

Однако... он нахмурился. «Госпожа Хо?» Новую наложницу зовут Хо?

(прим. переводчика : В китайском языке местоимение «он», «она» и «оно» звучит абсолютно одинаково — tā (тха), при разговоре непонятно о ком идёт речь, мужчина это или женщина, пока не увидите человека или иероглиф, в письме иероглифы разные (他 — он, 她 — она), но на слух разницы ноль. Когда слуга Мэн Цяньшань говорит «Госпожа Хо приехала», в тексте используется слово 夫人 (fūrén) — фужэнь. В обычном контексте это действительно означает «жена», «супруга» или «госпожа». Для Цзян Суйчжоу, который только что очнулся в теле принца, это звучит как стандартное обозначение новой женщины в гареме.)

Хоть он и понимал, что те неофициальные хроники — сплошная небылица, он невольно вспомнил содержание дипломной работы своего студента. Перебитые ноги, женитьба на принце Цзине, да еще и фамилия Хо... Почему эта новоиспеченная наложница так подозрительно напоминает исторического генерала Хо?

Впрочем, Цзян Суйчжоу тут же отогнал эту мысль. «О чем я только думаю? Сюжеты этих сказок даже в сериалах побоялись бы снимать. Очевидно же, что это выдумка ради хайпа, такое просто не может быть правдой».

Укрепившись в своих предположениях, Цзян Суйчжоу замолчал. Зато Мэн Цяньшань, шедший рядом, без умолку болтал всю дорогу. Цзян Суйчжоу постепенно понял, что этот не слишком сообразительный подчиненный, должно быть, частенько страдал от холодности хозяина. Стоило сегодня принцу по воле случая проявить к нему каплю благосклонности, как тот буквально расцвел.

«Глуповат — и ладно», — подумал Цзян Суйчжоу. Слушая его щебетание, он немного отвлекся от тяжких мыслей и между строк сумел составить примерное представление о расстановке сил в поместье.

«Раз уж я здесь, буду решать проблемы по мере их поступления», — вздохнул он про себя.

Примерно через четверть часа носилки остановились перед одним из двориков. У входа висели красные фонари, в свете которых земля была усыпана ошметками взорванных петард. Сквозь ворота виднелся паланкин, замерший у дверей главного здания. Слуги, ожидавшие у входа, при виде Цзян Суйчжоу дружно пали на колени.

Цзян Суйчжоу, не привыкший к подобному поклонению толпы, махнул рукой, веля всем подняться.

К нему тут же подбежала пожилая женщина, похожая на сваху, и с улыбкой протараторила:

— Поздравляю с великой радостью, Ван-е! Госпожа уже ожидает в покоях, только и ждет, когда Ван-е придет откинуть её фату.

Цзян Суйчжоу коротко кивнул. Он знал обычаи эпохи Цзин: обряд принятия наложницы был куда проще полноценной свадьбы. Маленький паланкин вносят через боковые ворота, муж сам снимает красное покрывало, они выпивают чашу вина — и на этом всё.

Он снова кивнул и, миновав толпу, направился напрямик в главный зал. Его шаг был ровным и неспешным, полы одежд плавно развевались при ходьбе. Со стороны он казался воплощением холодного спокойствия и истинного величия правителя. Но только сам Цзян Суйчжоу знал, какой ужас творится у него на душе.

Мало того, что он не пойми как переместился в эпоху Цзин и стал хилым доходягой, которому недолго осталось, так теперь ему еще нужно войти в спальню и предстать перед бедной девушкой, которую принц Цзин насильно взял в жены. Она — несчастная, но и он, честно говоря, не в лучшем положении.

С этими мыслями он, сохраняя внешнюю невозмутимость, с тяжелым сердцем поднялся по ступеням и толкнул тяжелые двери. Внутри порхали красные занавеси, мерцали свадебные свечи. Служанки по обе стороны расплылись в улыбках и принялись поздравлять его. Кто-то проводил его во внутренние покои.

И там, посреди этой любовной неги, он увидел человека, сидящего в центре зала. Алое одеяние во множестве слоев, на голове — фата с вышитыми фениксами. Человек сидел в инвалидном кресле — очень прямо, со стальной осанкой, напоминая длинное копьё, которое невозможно переломить. Да, именно копьё.

У этого человека была мощная фигура, широкие плечи, а длинные ноги едва уместались на подножке кресла... Это же, черт возьми, мужчина! Мужчина. Инвалид. Выданный замуж за

принца Цзина.

«...Моя "госпожа Хо" — это ведь не Хо Уцзю, верно?!» Цзян Суйчжоу замер.

Его взгляд упал на руки незнакомца, лежащие на коленях. Отчетливые суставы пальцев, выступающие вены на тыльной стороне ладони... Хотя руки просто спокойно лежали, казалось, они в любой момент могут переломить шею. От них исходила аура беспощадного воина.

В голове Цзян Суйчжоу внезапно всплыли строки из того студенческого диплома: «...После пленения маркиза Динбэй Хо Уцзю, последний правитель династии Цзин, желая унижить его, приказал перерезать ему меридианы, лишить возможности ходить и выдать замуж за принца Цзина, известного своей любовью к мужчинам. Хо Уцзю три года терпел унижения в поместье принца, после чего нашел способ сбежать в Северную Лян и исцелить ноги. Впоследствии, мстя за прошлое, он уничтожил Цзин и собственноручно обезглавил принца, вывесив его голову на городских воротах на три года. Именно поэтому официальная история умалчивает о принце Цзине, стерев даже его имя».

Руки Цзян Суйчжоу мелко задрожали. Если это Хо Уцзю... если это действительно он...

То через три года голова, которую Хо Уцзю отсечет и вывесит на стене, будет принадлежать не какому-то абстрактному принцу, а ему — Цзян Суйчжоу.

Он впился глазами в фигуру в свадебном платье, отчаянно пытаясь найти хоть какой-то намек на то, что перед ним женщина. Но тщетно. В мозгу стало пусто.

— Ван-е... Ван-е!

Стоящий позади Мэн Цяньшань, видя, что хозяин застыл как вкопанный с ледяным лицом, поспешил шепотом напомнить о себе.

Цзян Суйчжоу повернул голову. Мэн Цяньшань, пристроившись сбоку, осторожно прошептал:

— Пора снимать фату.

Верно. Фата. Пока он не увидел лица, нельзя быть уверенным на сто процентов, что это Хо Уцзю. Цзян Суйчжоу шагнул вперед. Успокаивая себя в глубине души и силой воли заставляя руки не дрожать, он протянул ладонь и сорвал легкое красное полотно.

Свадебные свечи дрогнули. В море праздничного алого цвета он столкнулся взглядом с парой глубоко черных, мрачных и ледяных глаз.

От автора: Цзян Суйчжоу откинул фату.

Хо Уцзю: "Привет, женушка!" (Самоуверенно).
